

Бабий Яр

Я помню, как я видела отдыхающих в парке, проходящих мимо. Некоторые просто оглянулись на группу из ста пятидесяти детей, выступающих возле огромной меноры, и шли дальше. Я видела молодую пару с девочкой трех-четырёх лет и думала: а не любопытно ли ей, что тут происходит? Расскажут ли ей родители о трагедии, произошедшей здесь 70 лет назад? Многие пенсионеры останавливались и слушали митинг. Я боковым зрением видела, как там, внизу, у ямы стояли две женщины, и думала: что там сейчас? Мне хотелось увидеть там внизу зеленую траву и деревья, мне хотелось верить что природа даст нам знак, и что слово «возрождение», так часто произнесенное на митинге – не пустой звук.

После окончания церемонии мы подошли к яме. Я стояла там и смотрела вниз, в ущелье. Из мертвой, серой травы выростали тощие, сухие, голые деревья. Я вспомнила слова, которые я произносила на митинге. Это были воспоминания десятиклассников, приезжавших сюда 10 лет назад. Они говорили о ветре, который приносит с собой запах пуль и крики. Я всего лишь слышала стон. Долгий, протяжный стон, как будто тридцать тысяч душ кричали Господу, и ничто их уже не успокоит.

Этот мученический ветер пронизывал насквозь. Мои колени чуть не подкосились от мороза. Единственное, что мне хотелось, это уйти. Уйти, найти свою маму, обнять ее и никогда не отпускать. Мне было так холодно, и так страшно, я не могла ничего делать, кроме как плакать.

Я боялась отойти. Я бы так вечно простояла, если бы люди не начали постепенно расходиться. Я вырвалась из холодных когтей ветра и тут же побежала к маме. Тогда мне просто захотелось почувствовать ее тепло, вернуться в первобытное состояние, когда мой

мир ограничивался маленьким, теплым местечком, которое мы называем утробой.

Пока мы шли дальше по тропе в парке, я постепенно успокоилась. Ощущение того, что когда-то тут была людская бойня, а сегодня здесь парк для отдыха, было сюрреалистичным. Но я смирилась с этим ощущением, зная, что все-таки это лучше, чем если Бабий Яр остался бы пустыней.

В Бабьем Яру погибли не только евреи. Мы были лишь первой жертвой этой бойни. После нас начали расстреливать советских солдат, христиан, повстанцев и партизан. Во время войны на оккупированных территориях нацисты уничтожали социалистов, анархистов, пацифистов, душевно больных, алкоголиков и наркоманов, цыган, свидетелей Иеговы, гомосексуалов. Несмотря на свою сильную еврейскую самоидентификацию, я никогда не думала о трагедии как о преступлении против евреев. Для меня Холокост – преступление против человечества. Меня ужасает, что люди судят друг друга не по личным качествам, а по расе, полу, ориентации, вере и политическим интересам.

Нам нужно не только помнить, не только уметь предвидеть трагедии в будущем, но и подавлять в себе ксенофобию, чтобы она не привела к новому холокосту. Перед тем как изменить мир, мы должны изменить себя.

Ульянская Мерав, 10 класс